

И. В. Леонов, О. В. Прокуденкова

Основные формы и сферы бытования нематериального историко-культурного новодела

Рассмотрены различные грани проблемы нематериального историко-культурного новодела. Анализируются основные характеристики современной культуры, способствующие распространению изучаемого феномена. К таковым относятся: снижение четкости пространственно-временных границ различных культур; нивелирование их историко-генетической и мировоззренческой целостности; постепенное усложнение семиосферы культуры; снижение степени важности мира «вещей» и повышение значимости их симуляций; «игры» с артефактами, смыслами, ценностями, знаками и символами прошлых форм культуры. Поднимается вопрос взаимосвязи проблемы новодела с различными аспектами сферы массового производства и экранных медиа. Речь идет о серийности, сиквелах, ремейках, приквелах, «фанфиках», колоризации и альтернативном развитии сюжетных линий. Осуществляется обзор различных сфер проявления и конкретные примеры нематериального новодела в философии, науке, языке, литературе, музыке, фольклоре и др. Данный обзор основан на примерах не только современной культуры, но и культур различных исторических типов. Предпринимается сущностный анализ новодела на предмет его органической включенности в культурогенетические процессы в качестве их необходимого звена.

Ключевые слова: новодел, правдоподобный новодел, мистификация, стилизация, фанфик, сиквел, приквел, ремейк, серийность, текст, артефакт, историко-культурный процесс, культурогенез

Ivan V. Leonov, Olga V. Prokudenkova

Basic forms and spheres of existence of intangible historical-cultural modern replica

Various aspects of the problem of intangible historical-cultural modern replica are considered. The main characteristics of modern culture, which contribute to the spread of the phenomenon being studied, are analyzed. These include: reducing of the clarity of space-time boundaries of different cultures; leveling their historical-genetic and ideological integrity; gradual complication of the semiosphere of culture; decrease in the importance of the world of «things» and increase the importance of their simulations; «games» with artifacts, meanings, values, signs and symbols of past forms of culture. The issue of the relationship between the problem of modern replica with various aspects of mass production and screen media is being raised. It's about seriality, sequels, remakes, prequels, «fanfics», coloring and alternative development of storylines. The review of various spheres of manifestation and concrete examples of an intangible modern replica in philosophy, science, language, literature, music, folklore, etc. is being made. This review is based on examples not only of modern culture, but also cultures of different historical types. An essential analysis of modern replica is undertaken with a view to its organic inclusion in the culturogenetic processes as their necessary link.

Keywords: modern replica, truthful modern replica, mystification, stylization, fanfic, sequel, prequel, remake, seriality, text, artifact, historical-cultural process, culturogenesis

«Новодел» в широком смысле этого явления понимается как создание историко-культурных артефактов прошлого в рамках современной культуры, включая целый ряд ее сфер, начиная от практик работы с культурным наследием, заканчивая сферой антиквариата, массового производства, туризма, досуга, моды и т. д. Проблема новодела достаточно сложна и имеет множество граней, часть из которых была рассмотрена авторами в двух статьях, опубликованных в предыдущих номерах «Вестника СПбГУКИ» [1; 2].

В настоящей статье речь пойдет не о сути новодела как такового. Ее предметом является нематериальный историко-культурный новодел и сферы его распространенности.

Нематериальные (временные) и частично материальные (пространственно-временные) формы воспроизводства старины находят свое проявление во многих культурах на протяжении истории. Однако в индустриальной и постиндустриальной культуре конца XIX – начала XXI в. данное явление получает широкое распространение благодаря его сущностным характеристикам. К некоторым из данных характеристик относятся: доминирование массового производства и экранных медиа; постепенное усложнение семиосферы культуры и рост ее информационной составляющей; снижение степени важности мира «вещей» и повышение значимости их симуляций, т. е. вытеснение «реальной» реальности ее виртуальным аналогом.

Здесь же уместно упомянуть отдельные черты, ярко проявленные в постмодернистском типе культуры. Речь идет об «играх» с артефактами, смыслами, ценностями, знаками и символами прошлых форм культуры. В данных «играх», создающих имитации, химеры, коллажи и «складки» прошлого, это явление воспроизводится, «мутирует» и пересматривается, подпитывая современную культуру. Сюда же относятся и снижение четкости пространственно-временных границ различных культур, нивелирование их историко-генетической и мировоззренческой целостности, брендинг сакральных начал и т. д., создающие определенный «голод» современных культур по отношению к прошлым устойчивым формам. Данное перечисление характеристик современной культуры на предмет рассмотрения темы нововела, включая его невещественную сферу, можно продолжать достаточно долго. Рассмотрение их полного перечня не является целью настоящей статьи. В данном случае степень зависимости и популяризации явления воспроизводства «нематериальной старины» в современной культуре от ее сущностных начал вполне очевидна. Далее уместно обратиться к отдельным аспектам рассматриваемой проблематики.

Специфической характеристикой современной культуры, впитавшей в себя постмодернистские идеи и рождающей самостоятельную сферу воспроизводства прежних культурных феноменов, является распространенность различных форм серийности и повторений «текстов», а также направленность публики на их узнаваемость и предсказуемость. Анализируя данную черту в эстетическом ключе на фоне противопоставления с модернистским типом культуры, У. Эко отмечает, что «модернистским критерием оценки художественной значимости являлась новизна, высокая степень информации. Приятное повторение известного мотива рассматривалось модернистскими теориями искусства как нечто характерное для ремесленничества – не для искусства – и для промышленности» [3, с. 52]. В этом итальянский ученый видит причину, в связи с которой эстетика модернизма прибегала к тщательному различению «низших» и «высших» искусств, искусства и ремесла. В свою очередь, в постмодернистском типе культуры, направленном на «эстетику серийности», копирование и подчинение предустановленным схемам, «воспроизведение и повторение кажутся доминирующими во всех видах художественного творчества, и где становится трудно разграничить повторение в масс-медиа и, скажем, в высоком искусстве» [3, с. 56].

Серийность, будучи основой для распространения типичных сюжетов и культурных форм, рождает их закрепление в сфере своеобразных

«традиций», которые однообразно транслируются, «мутируя» лишь внешне, посредством усложнений сюжетных линий, технической стороны и смены декораций. Одним из вариантов «путешествий» устойчивых сюжетов и форм становится их перемещение в историко-культурное пространство. Это касается не только продукции, создаваемой в настоящее время, – подобные перемещения в сферу современности возможны и для сюжетов и явлений культуры прошлого. Но в любом случае для серийности подобных текстов необходимо приспосабливать и стилизовать их под ту эпоху, в которой они разворачиваются. Удачным примером в данном случае является роман самого У. Эко «Имя Розы» (1980), где главные герои Вильгельм Баскервильский и Адсон Мелькский, опираясь на дедукцию, расследуют цепочку загадочных преступлений в средневековом монастыре, исторически достоверно описанном медиевистом Эко. Кроме того, некую «двойственность времен» обеспечивает то, что роман отсылает нас к произведениям А. Конан Дойла и его знаменитым персонажам – Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону, активно использовавшим тот же метод дедукции в раскрытии преступлений.

Особую сферу нематериального нововела можно зафиксировать в **сиквелах**, являющих собой продолжения «успешной» художественной или медийной продукции. В таком ракурсе некоторые сиквелы предстают как стилизованное продолжение прошлого, пусть даже двухвековой или десятилетней давности, не нарушающее манеру и «историческую аутентичность» исходного текста. Ярким примером в данном случае является продолжение романа «Унесенные ветром» (М. Митчелл, 1936) и одноименного фильма (реж. В. Флеминг, 1939), которые как бы остались незавершенными – с открытым концом. Именно сиквел «Скарлетт» писательницы А. Рипли (1991), созданный и отобраный в результате общенационального конкурса, а также его четырехсерийная телевизионная экранизация (реж. Дж. Эрман, 1994) должны были восполнить незавершенность, незаконченность оригинального произведения. Еще одним примером сиквела является фильм «Ирония судьбы. Продолжение» (реж. Т. Бекмамбетов, 2007). Известен пример сиквела и в детской литературе: так, книги Александра Волкова «Изумрудный город» нашли свое продолжение в произведениях современного российского фантаста Сергея Сухинова «Дочь Гингемы», «Фея изумрудного города» и т. д. К подобной сиквельной литературе относится продолжение романа Л. Н. Толстого «Война и мир» «Пьер и Наташа» некоего Василия Старого. Таким образом, нововел реализует важную потребность, присущую современной массовой культуре, а

именно стремление к завершенности «сюжетной линии» и желание постоянного присутствия любимого, хотя и вымышленного героя.

В качестве еще одной сферы бытования нематериального новодела уместно указать **приквелы**, представляющие собой произведения, хронологически предшествующие неким оригинальным текстам. Причем последние по своей сути должны быть более аутентичны старине, нежели сиквелы. В данном вопросе показательной является сага Дж. Лукаса «Звездные войны»: популярность оригинальной версии – 4-й, 5-й и 6-й эпизоды – пришлась на конец 70-х – начало 80-х гг. XX в. А продолжение – приквелы – эпизоды с 1-го по 3-й, были сняты с 1999 по 2005 г., тем самым как бы завершая общую идею киномана.

Также необходимо коснуться сферы осовременивания различных «текстов» прошлого, представленной **ремейками**. В данном случае ярким примером является музыкальный фильм «Старые песни о главном» (реж. Д. Фикс, 1995), в котором многие песни советского периода были попросту перепеты новыми исполнителями в новых «аутентичных» декорациях. Здесь же можно упомянуть фильм А. Курасава «Семь самураев» (1954) и его ремейк – «Великолепная семерка» (реж. Дж. Стердженс, 1960), который, в свою очередь, был переснят в 2016 г. (реж. А. Фукуа). Схожая история у фильма Э. Рязанова «Служебный роман» (1977) – «Служебный роман. Наше время» (реж. С. Андреасян, 2011) и т. д.

Своеобразной формой воспроизводства и осовременивания нематериальных феноменов прошлого является **техническая коррекция** или «реставрация» их носителей. Достаточно распространенным явлением в этом плане стала колоризация черно-белых фильмов, обретающих новые качества и притягивающие внимание зрителей, желающих увидеть в цвете советские кинохиты – «Золушку» (реж. Н. Кошверова и М. Шапиро, 1947), «Семнадцать мгновений весны» (реж. Т. Лиознова, 1973), «В бой идут одни старики» (реж. Л. Быков, 1973), кинохронику времен Октябрьской революции, Первой или Второй мировой войны.

В основе перечисленных характеристик лежит не только тиражирование однотипных сюжетов и форм, но и «привязанность» публики к некоторым уходящим в прошлое текстам, рождающим целые «миры» и сообщества, живущие в них. Причем миры эти, будучи мало подкрепленными материальной стороной, продолжают расширяться и активно преобразовываться в воображаемой сфере [4; 5]. Результатом творчества таких сообществ являются **фанфики** – любительские стилизации под оригинальные тексты, порой имеющие высокую качественную планку.

Наиболее убедительным примером такого творчества являются многочисленные фанфики по мотивам произведений Дж. Р. Р. Толкина, иначе говоря, «толкиновский новодел»: например, книги Н. Перумова, получившего известность благодаря эпосе «Кольцо тьмы» (1993), действие в которой происходит в четвертой эпохе Средиземья.

Еще одной из форм новодела выступает **альтернативное** развитие классических сюжетов или иная точка зрения на известные события, близкие к формуле «что бы было, если бы...». Наибольшее распространение данные сюжеты получили в так называемой альтернативной истории, представленной обширно художественными текстами. Примером таких произведений может служить творчество Хольма ван Зайчика (псевдоним российских писателей-фантастов, профессиональных китаеведов В. Рыбакова и И. Алимова). Некоторые альтернативные сюжеты становятся не просто продолжением известного романа, а приобретают отдельную эстетическую и художественную ценность, – к таковым можно отнести абсурдистскую трагикомедию Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», где события трагедии «Гамлет» У. Шекспира рассказаны с позиций второстепенных персонажей.

Завершая обзор общих характеристик современной культуры, способствующих популяризации нематериального новодела в ее пространстве, напомним, что данное явление обнаруживает себя во многих исторических типах культуры, являясь их неотъемлемой частью. Соответственно, далее уместно рассматривать проявления изучаемого феномена в разных сферах культуры, включая не только ее современное состояние, но и прошлые периоды.

Так, одной из сфер распространения нематериального новодела является музыка. Одним из наиболее известных проявлений подобного новодела, или, как его принято называть в музыковедении «мистификации» [6], является Адажио соль минор для струнных инструментов и органа Томазо Альбинони (1671–1751), опубликованное профессором истории музыки университета Флоренции, автором биографии многих итальянских композиторов, музыкальным критиком Ремо Джадзотто (1910–1998) в 1958 г. Большая часть наследия Альбинони была утрачена во время Второй мировой войны вследствие бомбардировок Дрездена. Джадзотто утверждал, что нашел в Миланской библиотеке несколько фрагментов произведения Альбинони в начале 1940 г. Таковыми фрагментами были четыре такта нот для скрипки и basso numerato к ним, которые полностью никто никогда не видел. По общепринятому мнению в среде специалистов в области истории музыки, принято считать, что адажио

написал биограф Альбинони, который, будучи специалистом по истории музыки XVI–XVII вв., сочинял сам. Произведение является актом почитания Альбинони самим Джадзотто, а также своеобразным осмыслением Второй мировой войны. Адажио, будучи «качественной мистификацией», или «правдоподобным новоделом», заняло свое прочное место в пространстве творчества венецианского композитора и исполнителя эпохи барокко.

Рассматривая отмеченный пример, как и многие последующие ниже, уместно коснуться такого аспекта сферы новодела, как создание того, чего не было, но в максимальной степени приближенности к «стилю эпохи» или творчеству отдельного мастера или художника. Такую продукцию нельзя полностью отнести к «новоделу», если под данным термином понимать **создание прошлых форм культуры**, т. е. того, что было. В данном случае речь идет о создании совершенно нового, но по мотивам старого и в наибольшем соответствии ему.

В проблемное поле новодела данную продукцию включить вполне уместно, хотя и с некоторой оговоркой. Она становится близкой к новоделу, в зависимости от степени близости или схожести нового артефакта с творчеством отдельного человека или от степени приближенности к стилю эпохи, которую он имитирует. И в данном случае представители многих культур нередко становятся свидетелями появления «старинных» артефактов самой разной природы, которые единодушно либо с некоторой долей скепсиса воспринимаются как шедевры и в силу своего высокого уровня исполнения легко приписываются именитым художникам прошлого и конкретно-историческим эпохам. К такому новоделу применяется множество терминов и эпитетов, например: «имитация», «стилизация», «мистификация» и пр. Как представляется авторам настоящей статьи, достаточно релевантной является формулировка «правдоподобный новодел».

Также необходимо отметить, что «правдоподобный новодел» не сводится только к нематериальной сфере, как это заявлено в заглавии. Его применение охватывает все области культуры, где так или иначе воспроизводятся артефакты прошлого. В свою очередь, диапазон практик применения отмеченного новодела варьируется от своеобразных розыгрышей, провокаций, «игр» с прошлым (например, в индустрии моды; в сфере искусства) вплоть до откровенной подделки. В данном случае, чтобы хоть как-то квалифицировать подобных новодел, необходимо учесть множество контекстуальных обстоятельств, в которых он был создан. Речь идет о специфике историко-культурной ситуации; степени открыто-

сти информации об артефакте и его «появлении»; уровне соответствия артефакта прошлому, которое он имитирует; об особенностях сферы распространения и адресата, на которого направлен такой новодел; об эмоционально-мотивационной составляющей; факторе обогащения либо получения неких дивидендов за счет введенных в заблуждение, обманутых или разыгрываемых и пр. И все же отмеченный вид новодела – выраженный в создании артефактов прошлого, которые никогда не существовали, – представляет собой достаточно устойчивую традицию в истории мировой культуры, получившую в Новейшее время особый импульс к развитию на фоне распространения экранных медиа и симулятивных технологий.

Другим примером, продолжающим рассматриваемую сферу новодела, является творчество советского композитора, гитариста и лютниста В. Ф. Вавилова (1925–1973). В 1970 г. в фирме «Мелодия» вышла пластинка «Лютневая музыка XVI–XVII вв.», записанная В. Ф. Вавиловым (также исполнители – В. Буяновский, Н. Вайнер, М. Шахин, В. Курлин, Л. Перепелкин) и в большинстве своем включавшая его личные произведения, которые он обозначил как музыкальные композиции XVI–XVII вв. Среди таких мистификаций, о которых стало известно только после смерти Вавилова, выделяется «Канцона и танец», приписанная композитору Франческо Канова да Милано (1497–1543), на первую часть которой позже написал слова А. Г. Волохонский (1936–2017), создав песню «Рай», широкого исполняемую Б. Гребенщиковым («Город золотой»). Другим произведением является «Сюита для лютни: Пavana и гальярда», автором которой значился Винченцо Галилеи (1520–1591). Здесь же необходимо упомянуть произведение «Ave Maria», на пластинке приписанное анониму XVI в., а несколько позже композитору Джулио Каччини (1551–1618), и т. д. Представленный ряд историко-культурного новодела носит настолько качественный характер, что у многих слушателей до сих пор возникает сомнение в том, что это произведения, созданные в XX в.

Еще одним аспектом, связанным с новоделом, является «стилизация под старину», которая актуализируется в произведении, отсылающем нас к лучшим образцам прошлого, вызывая определенные историко-культурные ассоциации. Здесь уместно упомянуть произведения М. Л. Таривердиева (1931–1996), чьи мелодии перекликаются с прошлыми периодами в истории культуры. Оттенки прошлых эпох, несомненно, присутствуют в творчестве отечественного композитора и теоретика музыки В. С. Дашкевича (р. 1934). Например, среди таковых произведений выделяется небольшая «Швейцарская тема» из кинофильма «Приключения Шерлока Холмса и

доктора Ватсона» (реж. И. Ф. Масленников, 1980), отсылающая зрителя в XIX в.

В рассматриваемом вопросе можно коснуться проблемы особенностей публики, принимающей музыкальный новодел и обеспечивающей ему долгую жизнь. Так, с одной стороны, основная часть современных слушателей является неподготовленной аудиторией и, в силу низкого уровня музыкальной грамотности, неспособной распознавать мистификации и новоделы. Показательным примером данной тенденции является огромное количество современных произведений, заполнивших пространство Интернета и позиционируемых как «музыка Моцарта», «музыка Ангелов» (комп. В. А. Моцарт). Еще пример – очень часто в Интернете можно встретить информацию о том, что произведения ирландско-норвежского дуэта A Secret Garden и их альбома «Songs from a Secret Garden» приписывают творчеству то Ф. Шопена, то С. Рахманинова. Кстати, сам дуэт, кроме всего прочего, позиционирует себя как исполнители кельтской музыки, хотя мы прекрасно понимаем, что это не аутентичная музыка, а ее прочтение (интерпретация).

С другой стороны, для компетентной публики мистификации и правдоподобный новодел выступают средством припоминания других культур, игры с их формами, способом переосмысления наследия, средством облагораживания реалий современной культуры. В данном же вопросе высвечивается еще один аспект новодела, а именно проблема аутентичного исполнения старинной музыки, декламации или игры актеров. Дело в том, что данное исполнение, по сути, принимается как аутентичное на основе консенсуса исследователей и специалистов. Однако в полном соответствии старине в современных условиях удостовериться крайне трудно.

Кроме музыкальных новоделов, которые отсылают нас к прошлым эпохам, в современном мире активно бытуют «новоделы» в художественной литературе, построенные на приемах литературных стилизаций, которые как бы имитируют реалии разных исторических периодов. Авторы активно включают в свои произведения характерные для определенной эпохи стилистические обороты речи, специфическую лексику отдельных сословий. Например, данный прием применяет популярный российский писатель Б. Акунин (настоящее имя Григорий Шалвович Чхартишвили), герои его произведений используют устаревшие словоеры – «да-с», «нет-с», имевшие хождение в XIX в. К удачным литературным стилизациям можно отнести произведение Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (1985), которое отсылает нас к русской фольклорной традиции.

Наконец, ряд примеров появления текстовых новоделов содержит история философии и науки. Речь идет о трудах, которые создавались потомками от имени мыслителей прошлого, с учетом проблематики, которой они занимались, и в их манере. Наиболее известным примером в данном случае является Псевдо-Аристотель. Это собирательное имя для нескольких авторов целого ряда трактатов в области философии и науки, приписываемых Стагириту. Один из таких трактатов – «Физиогномика» (конец IV или начало III в. до н. э.), авторство которого определяется А. Ф. Лосевым как вероятно, не аристотелевское, а принадлежащее Псевдо-Аристотелю [7, с. 295]. Принадлежность авторства Псевдо-Аристотелю связана с тем, что «сочинение самого мыслителя в полном виде не сохранилось, и до нас дошло краткое изложение двух пособий по физиогномике, вышедших из его школы» [8, с. 124]. Другие трактаты были написаны не только представителями перипатетической школы, но и европейскими, североафриканскими и арабскими мыслителями средневековья, создавшими более сотни таких произведений. Далее подобные работы писались в Новое время, получая широкое хождение под именем Аристотеля вплоть до XX столетия. Одним из интересных примеров является «Aristotle's master-piece» («Шедевр Аристотеля»), изданный в 1684 г. и представлявший собой учебное пособие по половой жизни и книгу акушерства. Работа была достаточно популярна в Англии и США XVIII–XIX вв., но постепенно утратила интерес у издателей в связи с непристойностью содержания.

Таким образом, подытоживая материал настоящей, а также двух предыдущих статей, отметим, что «новодел» как способ имитации, воссоздания и восстановления прошлых форм культуры не является чем-то сугубо отрицательным, низкокачественным и «ширпотребным», скорее, наоборот – новодел глубоко укоренен в природе культуры как таковой и тесно связан с процессом культурогенеза, суть которого выражена в порождении и самовозобновлении культуры. Следовательно, исходя из того, что «культура представляет собой противоречивое единство сохранения, воспроизводства, развития и постоянного обновления» [9, с. 7], все аспекты культурогенеза взаимообусловлены, тесно связаны между собой и в конкретно-исторических условиях проявляются в различных пропорциях. Причем данные пропорции могут достигать таких соотношений, что культура может производить впечатление неизменной или стоящей на месте, с другой стороны она может выглядеть лишенной «корней» и традиций. Тем не менее в ней соприсутствуют все составляющие культурогенеза.

неза. В свою очередь, наличие данных аспектов исключительно в «чистом» виде для культуры неестественно.

В частности, сохраняться в буквальном виде и быть неизменной культура, включая ее наследие, не может. Можно только максимально замедлить этот процесс, но остановить – принципиально невозможно. Буквальное прошлое культуры, так или иначе, обречено на постепенный или быстрый распад. Относительно **воспроизводства** можно отметить то же самое. В этом процессе всегда есть вариативность и наличие инноваций. Соответственно, наследие в разной степени аутентичности воспроизводится, приспособляется, реконструируется и адаптируется под нужды современности.

В свою очередь, **развитие и обновление** культуры не может происходить на пустом месте, поскольку без прошлого не создать новое. Любая культура, так или иначе, содержит в себе прошлые «наслоения опыта», которые переосмысливаются и воспроизводятся в том или ином виде – максимально близко к оригиналу, в виде неточного следования и плохих имитаций и, самое главное, в виде некоего «первообраза» или «паттерна», который улавливается в его последующих воплощениях и интерпретациях. Прошлое, будучи основой нового, в разной степени «насыщенности» и аутентичности постоянно возникает вновь, обеспечивая «новоделу» прочное место как в сложных архитектурных преобразованиях снятого, актуального и потенциального культурного наследия [10, с. 533–544], так и в процессе культурогенеза в целом.

Список литературы

1. Леонов И. В., Прокуденкова О. В. «Новодел» в практике сохранения культурного наследия: границы применения // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 81–84.
2. Леонов И. В., Прокуденкова О. В. Новодел как форма воспроизведения старины в современной культуре // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 1 (34). С. 145–150.
3. Эко У. Инновация и повторение: между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна: сб. пер. и реф. / сост., ред. А. Р. Усманова. Минск: Красико-принт, 1996. С. 48–73.
4. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 76–80.
5. Суворов Н. Н., Султанов К. В. Преодоление реальности в воображении // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 2 (35). С. 53–56.

6. Усвайский В. М. Музыкальные мистификации // Израиль XXI: муз. журн. 2016. № 6 (60). URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 25. 04. 2018).

7. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Москва: Аст: Фолио, 2000. Т. 4: Аристотель и поздняя классика. 879 с.

8. Сечин А. Г. Античная физиогномика как способ типизации в изобразительном искусстве // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Обществ. и гуманитар. науки. 2007. № 31, т. 10. С. 124–128.

9. Бондарев А. В. Отечественная культурогенетика: истоки, развитие и современное состояние // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред., сост. А. В. Бондарев. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2014. С. 7–28.

10. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред., сост. А. В. Бондарев. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2014. С. 533–544.

References

1. Leonov I. V., Prokudenkova O. V. Leonov I. V., Prokudenkova O. V. «Modern replica» in practice of conservation of cultural heritage: limits of use. *Vestnik of Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts*. 2017. 4 (33), 81–84 (in Russ.).
2. Leonov I. V., Prokudenkova O. V. Modern replica as a form of reproduction of antiquity in modern culture. *Vestnik of Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts*. 2018. 1 (34), 145–150 (in Russ.).
3. Eco U. Innovation and repetition: between modern and postmodern aesthetics. *Usmanov A. R. (comp., ed.) Philosophy of postmodern era: coll. of transl. and essays*. Minsk: Krasiko-print, 1996. 48–73 (in Russ.).
4. Suvorov N. N. Cultural monument as imaginary of reality. *Vestnik of Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts*. 2017. (33), 76–80 (in Russ.).
5. Suvorov N. N., Sultanov K. V. Overcoming reality in imagination. *Society. Environment. Development*. 2015. 2 (35), 53–56 (in Russ.).
6. Usvaiskii V. M. Musical mystifications. *Israel XXI: music j.* 2016. 6 (60). URL: <https://elibrary.ru> (accessed: Apr. 24. 2018) (in Russ.).
7. Losev A. F. History of ancient aesthetics. Moscow: Ast: Folio, 2000. 4: Aristotle and late classics. 879 (in Russ.).
8. Sechin A. G. Antique physiognomy as way of typing in visual arts. *News of Herzen State Ped. Univ. of Russia. Social and human sciences*. 2007. 31 (10), 124–128 (in Russ.).
9. Bondarev A. V. Domestic culturogenic: origins, development and current state. *Bondarev A. V. (ed., comp.) Cultural genesis and cultural heritage*. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 7–28 (in Russ.).
10. Kondakov I. V. Architect of cultural heritage. *Bondarev A. V. (ed., comp.) Cultural genesis and cultural heritage*. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 533–544 (in Russ.).